

Куботурр. — 2000. —
4 марта — с. 10

Христор Воскрес

В России впервые исполнили ораторию Баха-сына

...Новенький, с иголочки, "Фольксваген" приятного для глаз салатого цвета, блестящий, как начищенный пяточок, под ослепительным светом прожекторов и стоящий... в ротонде Большого зала консерватории, прямо перед самым входом. На вполне понятный вопрос: "Что бы это значило?" — никак нельзя было ответить: "Ничего особенного", ибо событие, происходившее 15 февраля в "святая святых", действительно заслуживало внимания. При финансовой поддержке крупнейшего автомобильного концерна Германии ("Фольксваген") состоялась российская премьера оратории К.Ф.Э.Баха "Воскресение и Вознесение Иисуса", исполнения которой, имевшие место за последние двести с лишним лет, можно с легкостью пересчитать на пальцах одной руки.

Карл Филипп Эмануэль Бах — второй сын гениального лейпцигского кантора — далек от бездонных духовных пропастей, эмоциональных потрясений и истовой религиозности своего великого родителя. При всей своей вдумчивости и серьезности, передавшихся ему от отца, оригинальный и порывистый Филипп Эмануэль — художник земной и постижимый. От отца крепкого — Георга Филиппа Телемана — "гамбургский Бах" унаследовал вкус к ярким театральным эффек-

там и склонность передавать свой опыт постижения мира в образах зримо-картинных и осязаемых. Подобные мысли на прошедшем концерте не раз приходили в голову и знатокам, и любителям. Ведь оратория "Воскресение и Вознесение Иисуса" принадлежит к разряду тех сочинений, которые погружают захваченного врасплох слушателя в стремительный поток живого исторического процесса, смешавший страстно-аффектированное и величественно-мудрое барокко, безоглядные порывы "бури и натиска", галантную чувствительность, сдобренную ясным классицистским прагматизмом, и даже предвестия бетховенских потрясений..

Внушительный исполнительский коллектив, возглавленный Александром Рудиным (оркестр "Musica viva", детская хоровая студия под управлением Марии Струве и московский мужской хор "Хоровая академия"), представил на суд публики полную авторскую редакцию оратории на немецком языке. Это явилось свидетельством не только хорошего тона и равенства на "мировые стандарты", но и понимания специфики жанра: ораториальная музыка (и немецкой традиции в особенности) изначально несамодостаточна, она порождена и живет словом — его образами, символикой и декламационно-риторичес-

кими "жестами". В "Воскресении и Вознесении Иисуса" своеобразная и непредсказуемая фантазия К.Ф.Э.Баха вдохновлялась красочной и глубокомысленной поэзией знаменитого в свое время Карла Вильгельма Рамлера. Поэтому мы вправе были ожидать от исполнителей музыкально совершенного воплощения текста. (Кстати, устроители концерта позаботились об этой стороне дела, поместив в программке замечательный нерифмованный перевод либретто. Но за отсутствием освещения слушатели так и не смогли уследить за всеми оттенками смысла и красотою стиха, ибо в зале царил мрак преисподней). Поводов для снисходительных улыбок было меньше, чем когда-либо: Михаил Никифоров (бас) и Яна Иванилова (сопрано) вполне корректно пропели немецкий текст — надо полагать, стажировка в Австрии сделала свое дело. Проблема заключалась в другом: не всегда слова были слышны. Особенно не повезло М.Никифорову, на долю которого выпала львиная доля роскошных аккомпанированных речитативов: певца, грешившего нечеткой дикцией и размытостью интонации, то и дело заглушал шум и гром природных катаклизмов (сотрясающийся гор, катящихся камней и проч.), которые в полном соответствии с за-

мыслом композитора живописал оркестр. Увы, увы! — в исполнении кантатно-ораториальных произведений наши солисты продолжают оставаться "ахиллесовой пятой". И особенно уязвимы они там, где их задачей становится воплощение неканонического текста, да еще написанного в такой приподнято-субъективной манере, как у Рамлера. Нельзя сказать, чтобы певцам удалось органично вжиться в строй сложной и необычайно насыщенной — и образно, и интонационно — музыки Филиппа Эмануэля, увлекающей на неожиданных поворотах: от созерцательной рефлексии к субъективной лирике и красочной звукописи. Казалось, что цель певцов, голоса которых, ко всему прочему, не отличались ни силой, ни полетностью, — просто исполнить вверенные им партии, и с возможно меньшими издержками. Наиболее тяжелые потери понес тенор Дмитрий Пьянов, который в отличие от своих коллег испытывал языковые трудности и к тому же был совершенно не в состоянии перепеть оркестр, в сопровождении которого он иногда шептал что-то невнятное, дотянувшись до не слишком высоких "верхов" и справиться с серьезными техническими трудностями, уготованными ему в браурных ариях: если бы не мимика, никогда бы не понять нам, что в его партии на-

писаны шестнадцатые ноты.

Вся тяжесть ликующих "триумфов", многократно возносивших хвалы восставшему из гроба Иисусу, легла на хрупкие плечи воспитанников детской хоровой студии под управлением Марии Струве, получивших надежную поддержку московского мужского хора "Хоровая академия". Можно, конечно, посетовать на "растрепанные", типичные для детского коллектива униссоны, на некоторые орехи в чистоте и слаженности звучания. Но, согласитесь, выдержат конкуренцию со взрослыми профессионалами да и просто встоят (в прямом и переносном смысле) столь сложное сочинение — все это заслуживает похвал без скидок на возраст.

Главным героем евангельской музыкальной драмы, ее плотью и душой, быть может, несколько неожиданно, стал оркестр "Musica viva", который буквально вытянул весь концерт, сбалансировав хоровую массу и замаскировав многочисленные орехи солистов. Оркестр сумел оттенить выразительность слова в речитативах, подчеркнуть разнообразие и символическую выразительность тембровой палитры, материализовать чисто баховскую интенсивность интонационного становления. Музыкантам в полной мере передались воодушевление и темперамент Алек-

сандра Рудина: его точный и выразительный жест, порожденный ясностью намерений и умным слышанием", его дирижерская воля создали тот особый напряженный ток, который столь ценен в живом исполнении. На пресс-конференции Александр Израилевич предусмотрительно "уговаривал" журналистов: "стерильно-безупречного" исполнения не ждите. И предсказание маэстро сбылось: шили, как говорится, на живую нитку, но то, что эта нить нигде не оборвалась, должно отнести прежде всего на счет оркестра.

Впрочем, главная цель, к которой, по словам дирижера, стремились музыканты, была достигнута: нам и в самом деле приоткрылись красоты и глубины в высшей степени самобытной музыки Карла Филиппа Эмануэля Баха. Помимо неоспоримо ярких эстетических впечатлений и поучительных уроков музыкальной истории, концерт предподнес доказательство неизменности закона, гласящего: количество репетиций переходит в качество исполнения. Сообразно сему мудрому постулату по заслугам воздавалось всем членам дружного исполнительского коллектива — оркестру, хору и "специально приехавшим в Москву" солистам.

Лада АРИСТАРХОВА